

это — четыре этапа жизни Голубковой и вместе с тем — новые этапы жизни той глухой деревеньки на Печоре, где родилась и выросла сказительница, это — новые этапы жизни всей страны. В ткань повести влетают тексты причетов, заговоров, детских игр, свадебных и лирических песен, редким знатоком и мастерским исполнителем которых является Голубкова.

Голубкова не только хранительница традиционного фольклора, но и создательница целого ряда новых произведений — сказов о Нарьян-Маре, о всенародных выборах, о сельскохозяйственной выставке, плача о Кирове. О своей работе над этими новыми произведениями она рассказывает в своей автобиографии.

Дарование сказительницы было открыто Н. П. Леонтьевым, записавшим ее репертуар и автобиографию, которую он и подготовил к печати. Путем сотрудничества писателя и сказительницы создано крупное художественное произведение, дающее вместе с тем интереснейший материал для исследователей народного быта и народного искусства.

Э. Г.

НАРТОВСКИЙ ЭПОС

В. И. Абаев. Из осетинского эпоса. Издательство АН СССР, М.—Л., 1939, 134.
И в. Джанаев. Сказания о нартах. Госиздат Северо-Осетинской АССР, Орджоникидзе, 1941, 37.

Нарты, Осетинский народный эпос. Материал собрали и обработали Багаев Э., Ванев З., Туганов М., Шавлохов М., Плиев Х., Санакоев П., Качмазов И. и Чочиев Р. Госиздат Юго-Осетии, Сталинир, 1942, 501.

Сказания о нартах. Из эпоса осетинского народа. Перевод и вступительная статья В. Дынник. ГИХЛ, М., 1944, 79.

Менее чем за пять лет наши издательства в центре и на местах выпустили в свет четыре книги, посвященные героическому нарттовскому эпосу народов Северного Кавказа. Такой интерес к одному из величайших эпических произведений мира, причем только к осетинскому его варианту, свидетельствует о богатстве и живучести северокавказской народной старины, которая была обречена буржуазной этнографической наукой на вымирание и исчезновение.

Изучение нарттовского эпоса началось во второй половине XIX в., когда, в 1868 г., академик Шифнер включил в свои «Осетинские тексты» некоторые нарттовские варианты, дав этим толчок к собиранию и сравнительному их изучению. Вслед за текстами Шифнера последовали публикации В. Б. Пфафа (1871), братьев Шанаевых (1871—1876), В. Ф. Миллера (1881), А. Кайтмазова (1889), В. Ф. Миллера (1902.— дигорские сказания), А. Кубалова (1906) и многих других. Особенно большой размах получило дело собирания и публикации нарттовского эпоса в советское время. С 1925 по 1936 г. изданы многочисленные «Памятники народного творчества Осетии» и сборники с нарттовскими текстами, записанными в разных местах Северной и Южной Осетии. Работы русских ученых привлекли внимание к нартам и многих зарубежных исследователей Кавказа. Среди них следует отметить Г. Гюбшмана (в ZDM, 9, 41 т. за 1887 г.), А. Дирра (Kaukasische Märchen, Jena, 1922) и Г. Дюмезиля (Légendes sur les Nartes, Paris, 1930).

Имя нарт (богатырь) и нарттовские сказания хорошо известны, кроме осетин, всем другим народам Северного Кавказа — кабардинцам, адыгейцам, карачаевцам, аварцам, кумыкам и прочим дагестанским народам, а в вариантах встречаются и в Закавказье, в том числе в Армении. Многие северокавказские народы хранят традицию о том, что раньше нынешнего поколения людей в их странах жили богатыри-нарты, совершавшие различные подвиги силы и храбрости. Многие нарттовские имена — общие у осетин и кабардинцев (Хамиц, Созруко, Батрадз, Сирдон и хитроумная богатырша Сатана), а их действия приурочиваются к известным географическим местностям, причем указываются следы пребывания богатырей в своих областях (ср. предание о происхождении осетинского святилища Реком и карачаевского замка Чуана). На основании этих фактов, а также целого ряда других литературных свидетельств, нарттовский эпос можно назвать по месту возникновения северокавказским. Однако вопрос о том, какой именно из северокавказских народов создал главные типы нарттов, остается до сих пор невыясненным. Это тем более трудно выяснить, что многие личности богатырей давно знакомы соседним народам. «Многовековое соседство — справедливо замечает В. Ф. Миллер, — одинаковый склад жизни, постоянные военные и мирные сношения, — все это распространило одни и те же нарттовские типы и эпические мотивы на равнине Северного Кавказа, откуда впоследствии и перешли в горы. Вследствие географических условий склад жизни на Северном Кавказе не изменялся в течение многих столетий»¹.

Существует мнение, что создателями нарттовского эпоса были предки современных

¹ В. Ф. Миллер, Черты старины в сказаниях и быте осетин. Журнал Министерства народного просвещения, 1882, стр. 195.

осетины — аланы, обитавшие когда-то на северокавказских равнинах. Делались даже попытки пользоваться этими сказаниями как источниками для ранней истории осетин. Так, например, Пфаф, пользуясь «эпосей» о нарте Батрадзе, считал, что она была создана 2—3 тысячи лет назад и «заключает в себе самую достоверную историю осетин от ее начала до конца феодального века»². Конечно, подобные утверждения ни на чем не основаны. Такая точка зрения могла возникнуть потому, что осетинский вариант нартовского эпоса представляет более стройную и законченную картину. Главное внимание на протяжении более полувека исследователи-индоевропейцы уделяли осетинскому нартовскому эпосу, тогда как работа над собранием устного народного творчества на других северокавказских языках носила случайный и эпизодический характер. И даже в этом случае такой знаток эпоса, как В. Ф. Миллер, иногда отдавал предпочтение неосетинскому материалу. Основываясь, например, на скудных сведениях кабардинского нартовского эпоса, сообщаемых Шора Бекмурзина Ногмовым³, Миллер пишет, что «кабардинский эпос сильно повлиял на осетинский, а последний и кабардинский — на сказания балкарцев»⁴. Так или иначе, трудно приписать нартовскую тему тому или другому из нынешних народов Кавказа. «Современное состояние нартовского эпоса, — как правильно указывает исследователь этого эпоса Н. М. Дрягин, — явилось в результате многократнейших скрещиваний различных вариантов, может быть, одной и той же основной темы, дифференцировавшейся у различных племен, и в той или иной степени «литературно» обработанных отдельными гегуако (сказителями.— К. Г.), ...ибо, как это верно подмечает крылатая мысль Н. Я. Марра, мифотворчество является тем же словотворчеством, которое не только развивалось, но и возникало в процессе скрещивания племенных образований»⁵.

В рецензируемых работах (за исключением, пожалуй, работы В. И. Абаева) наблюдается стремление выделить осетин и изучение осетинского нартовского эпоса из яфетического мира Кавказа, подчеркнуть осетинскую специфику нартовских сказаний. «Те, кто интересовался осетинским эпосом, — пишет В. Дынник, — не могли не заметить, что при исполнении отрывков нартовских песен, при беглой ссылке во время беседы на один из нартовских подвигов или даже при простом упоминании одного из нартских имен лица осетин, обычно замкнутые, лишенные восточной экспансивности, свойственной другим кавказским народам, — вдруг озаряются серебристым сверканьем радостной и доверчивой улыбки. До сих пор сравнение хозяина дома с Урызмагом, а хозяйки с Сатаной воспринимается в Осетии как лучшая дань уважения в устах гостя» (подчеркнуто мной.— К. Г.).

По общему мнению, нартовские сказания зародились в условиях родового быта, но вместе с этим рисуют общественные отношения не только доклассового общества. Наряду с древнейшими общественными отношениями и мифологическими воззрениями, эпос перегружен позднейшими наслоениями и моментами, характерными для общества, разделенного на классы. Поэтому неверно мнение И. Джанаева, что нартовские герои не стремятся стать над народом, не подчиняют народ себе (стр. 16). Ведь факт, что в сказаниях весьма часто встречаются самые обыкновенные рабы и что как в юго-осетинских, так и в североосетинских вариантах нередко встречаются выражения вроде: «Сослан стал алдаром (помещиком) в ауле нартов». «Сослан был жестоким алдаром». «В ауле нартов жил Бурафарныг. Он был богат» и т. д.⁶

Наряду с элементами классовой дифференциации в нартовском родовом обществе сохраняется наиболее характерная черта поздней стадии развития рода. Мы имеем в виду возрастное разделение или так называемый геронтократический принцип деления членов рода. Эту черту нартовского рода подчеркивает и сам Джанаев, выделяя стариков — почетных нартов на родовых советах: «Старники-нарты собрались и стали обсуждать, как отомстить насильникам» (стр. 19). Сам эпос наделяет нарта Урызмага качествами главы, патриарха, которому подчиняются не только ближайшие соратники, но и все молодое поколение нартов.

В кратком обзоре (37 стр.) Джанаев дает характеристику и другим нартовским героям. Вот Хамиц — легкомысленный, весельчак, любитель походов и грабежей, организатор нартовских игр и танцев; вот Сирдон — лгун, и вместе с этим остроумный балагур, причиняющий неприятности нартовской знати; вот Батрадз — великан, вступающий подобно Прометею в единоборство с богами; вот соблазнительные нартовские девушки Ацырух и Агунда. Особняком стоит мудрая мать нартов — Сатана. В ее лице мы имеем в нартовском эпосе яркие пережитки матриархата. Эпос наделяет ее чертами распорядительницы и хозяйки не только одного Урызмага, но и всех нартов. Все нарты обращаются к ней в самые тяжелые дни за советами и помощью. Она же спасает нартов от голода в неурожайный год.

² См. Сборник сведений о Кавказе, т. I, стр. 171.

³ «Die Sagen und Lieder des Tscherkessenvolks, gesammelt vom Kabardiner Schora Bektursin Nogmow», Leipzig, 1886.

⁴ В. Ф. Миллер, Указ. соч., стр. 195.

⁵ «Яфетический сборник», VI, Л., 1930, стр. 19—20.

⁶ Ср. «Югоосетинский фольклор», Сталин, 1936, стр. 11.

Нартовский эпос отличается большой художественностью. Характер каждого героя очерчен очень яркими красками. Правдивое изображение быта и нравов народа во всем их многообразии — вот главные достоинства этого изумительного эпоса, богатого вместе с тем необычной фантастикой. Многие нартовские образы воскрешают в памяти героев древнегреческой мифологии. Мастерское пение нарта Ацамаза пленяет своей чудесной музыкой, подобно Орфею, не только людей, но и неодушевленную природу. Нарт Сослан, как и легендарный певец античной мифологии, совершает свои путешествия в царство мертвых. Можно также привести параллели между мифическим Гефестом и нартовским небесным кузнецом Курдалагоном, закаляющим в своем горне тело богатыря Батрадзе. Общие с античной мифологией мотивы имеют и нартовские одноглазые великаны.

Благодаря многочисленным и повсеместным записям осетинский вариант сказаний о нартах полнее и богаче, чем тот же эпос у других северокавказских народов. Это обстоятельство и привлекло В. Дынник к поэтическому переводу осетинского эпоса. Перевод В. Дынник является первой значительной попыткой ознакомить русского читателя с нартовской поэзией. В ее переводе вошла, к сожалению, только незначительная часть эпоса: сказания о мудром Урузмаге, о его походе, о юноше Батрадзе и его сражениях с великанами, о чаше Уацамонге и о женитбье Ацамаза и др., всего 11 песен. Однако даже из этой крайне неполной части эпоса русский читатель может составить себе некоторое представление о подвигах и борьбе нартов с грозными стихиями природы и врагами их мирной жизни, о быте и нравах, о религии и обычаях, о военных играх и забавах.

В переводе имеется целый ряд неточностей, и это не столько, как уверяет его автор, потому, что она «стремилась сочетать внимание к осетинской национальной форме с уважением к русскому языку», сколько вследствие слабого отражения в русском тексте той «величавой суровости нартовских сказаний», которую нельзя передать средствами современной русской народной речи, используемой переводчицей. Нартовский текст на осетинской почве подвергся столь многократным литературным переработкам и модернизации, что переводчице не было надобности прибегать к народной речи для литературного перевода. Нам кажется, что ей нечего было бояться и архаизмов осетинского текста, подготовленного для перевода на русский язык коллективом осетинских авторов. Более точно соблюдены автором перевода внешние стороны стиха эпоса. Однородность русской и осетинской народной поэтики позволила переводчице соблюсти в русском тексте особенности ритмики осетинского нартовского эпоса. Основные особенности осетинской ритмики, как то: 11—12-сложный силлабический стих с обязательной цезурой, наличие двух смысловых ударений в каждом полустушище и пр., — автором перевода удачно воспроизведены в русском оригинале.

Книга «Из нартовского эпоса» В. И. Абаева содержит десять сказаний, записанных автором во время его поездки в Южную Осетию в 1934 г. со слов лучшего знатока нартовских сказаний И. Е. Моргиева. «Его репертуар обширен и разнообразен, — пишет автор о сказителе. — Его речь льется гладко, свободно, непринужденно. Образность и живость являются характерными чертами его сказительского стиля. Чувствуется, что во время сказа он сам переживает вместе со своими героями все их злоключения, их горе и радость. В текстах Абаева много места уделено лингвистическому их разбору. В частности автор подчеркивает фонетические взаимоотношения югоосетинских (рокского и джавского) говоров с североосетинскими, а также высказывает ряд оригинальных мыслей о характере и особенностях ударений в живой осетинской речи. Подстрочный перевод автора знакомит неосетинского читателя с данными синтаксиса языка и с образцом осетинского мышления. Однако тексты Абаева имеют не только чисто лингвистическое значение. Мы можем теперь на основании этих публикаций неопровержимо доказать, что нартовский эпос в Южную Осетию попал с Северного Кавказа и что он, как по содержанию, так и по своей форме, существенно не отклоняется от североосетинского варианта эпоса. Безусловно, особенности бытования эпоса в Северной и Южной Осетии оказались на историческом развитии обоих его циклов, и на южном и на северном. Культурное и хозяйственное влияние Грузии на Южную Осетию не могло не отразиться и на нартовском эпосе, на его образах и языке. Юго-осетинские сказители охотно наделяют образы нартовских богатырей чертами героев такого неоригинального для южных осетин эпоса, как Амиран Дареджаниани. В свою очередь средневековый грузинский роман переделан южными осетинами на мотив нартовских сказаний. По словам Абаева, цари, халифы и князья изгнаны из старинного грузинского романа и вместо них осетины ввели своих любимых героев, связанных между собой родством и происхождением. Главный герой грузинского романа Амиран стал таким образом великаном Прометеем, прикованным волей богов к кавказским горам. Легко определить в Амиране черты нартовского титана Батрадзе. Подобно Батрадзе Амиран родился чудом, необычайным образом, вступает, как и он, в единоборство с богами, обладает сверхъестественной силой, совершает чудеса храбрости и героизма во имя благополучия своего народа⁷.

⁷ Ср. «Амиран», перевод и поэтическая обработка Дз. Гатуева, «Академия», Л., 1932.

Культурные взаимоотношения закавказских осетин с грузинами не ограничиваются сюжетными заимствованиями. В годы советской власти, а особенно в период Отечественной войны, среди закавказских литераторов значительно вырос интерес к устному народному творчеству. Следуя советам М. Горького, высказанным им на первом съезде писателей по адресу писателей Кавказа и Средней Азии, последние вплотную занялись богатейшим фольклором своих народов и широко используют его разнообразные художественные формы и реалистические образы для обогащения своих литературных произведений. В этой связи и следует рассматривать объемистое издание юго-осетинского нартовского эпоса, собранного и поэтически обработанного писателями и поэтами Юго-Осетии. По своей тематике издание это в основном воспроизводит образцы нартовского эпоса из сборника фольклора, выпущенного в 1936 г. Юго-Осетинским Научно-исследовательским институтом. Однако новое издание значительно переработано и дополнено материалом, собранным непосредственно перед войной в разных местах области. Оно рассчитано на читателей братских республик Закавказья, еще не знакомых с богатыми сокровищами осетинского эпоса. Но для этнографо-специалиста книга эта, вместе с другими рецензируемыми сборниками, явится ценным источником для составления полной картины быта нартов. До настоящего времени по нартовскому эпосу накоплен большой фактический материал. Список литературы охватывает до двух десятков дореволюционных и советских изданий. Несмотря на это, до сих пор еще не последовал ответ на основной вопрос, чем собственно, являются сказания о нартах? Являются ли они олегодаренными передачами исторических событий, разыгравшихся на Северном Кавказе, или же просто первичными религиозно-мифическими пережитками? Обходят молчанием этот вопрос и рецензируемые работы.

К. Гагкаев

Проф. Л. М. Меликсет-Беков. Указатель литературы по истории государства и права, обычному праву и юридическим древностям Грузии, Армении и Азербайджана (Тбилисский Государственный университет имени Сталина и Тбилисский филиал Всесоюзного юридического института). Тбилиси, 1939, 32.

Настоящий библиографический указатель, изданный, как сообщает в своем предисловии составитель, кафедрой истории государства и права народов СССР Тбилисского гос. университета имени Сталина преимущественно для учебных целей, представляет собой, однако, ценное пособие как для этнографов, так и для историков вообще. Указатель дает литературу предмета (книги и статьи) на русском, европейском, грузинском и армянском языках. Весьма желательно переиздание такого указателя, дополненного новейшей литературой. Составитель приводит перевод на русский язык заглавий грузинских и армянских работ, еще желательнее были бы аннотации.

М. К.

ЮЖНЫЕ СЛАВЯНЕ

Olive Lodge. Peasant life in Jugoslavia. London, 1941, 332.

Рецензируемая книга, посвященная описанию сельской жизни в Югославии, является результатом личных наблюдений автора во время его путешествий по стране в годы после империалистической войны. Автор побывал преимущественно в наиболее глухих местах старой Сербии, Нового Базара, Боснии и Сербской Македонии, частично и Черногории, Далмации и Герцоговине. Не будучи специалистом-этнографом, автор собрал довольно отчетливый и интересный материал.

Вслед за небольшим историческим очерком, Лодж посвящает отдельные главы своей книги селению и жилищу, здруге, сельскому хозяйству и ремеслам, религии и праздникам, свадьбе, различным обычаям и церемониям и, наконец, национальному костюму. Некоторые главы, например глава о здруге, не дают ничего нового; наиболее интересно и подробно дано описание свадебного цикла. Особая глава посвящена обычаям мусульманского населения Югославии.

Издавая свою книгу в дни мировой войны, автор заканчивает ее страницей горячего привета героическому югославскому народу, борющемуся с ненавистным гитлеризмом, и выражает уверенность, что югославский народ, сумевший в прошлом всегда отстаивать свою свободу и независимость, выйдет победителем из своей борьбы.

М. К.

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

Marcel Granet. Catégories matrimoniales et relations de proximité dans la Chine ancienne. Paris, 1939, 254.

Работа известного французского китаеведа посвящена анализу действовавшей в древнем Китае системе четырех, как мы выразились бы, брачных клас-